

Дмитрий Емец
У входа нет выхода
Серия «ШНыр», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433252
У входа нет выхода : роман / Дмитрий Емец: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42654-6

Аннотация

Что бы вы сказали, если бы узнали, что завтра вам сделают предложение, от которого вы можете и захотите отказаться, но не откажетесь?.. Вам придется жертвовать собой и своими интересами, молчать в тряпочку, тренироваться, вступать в схватки, терпеть неудобства, но вы на все согласитесь. Просто так, без денег... Всего лишь за возможность нырнуть в нетронутый новый мир – *двушку* – и прикоснуться к мощному артефакту из этого мира. А еще за возможность спасти чью-то жизнь. В прямом или переносном смысле – не важно. Важно, что помощь будет реальной. Ведь именно для этого и существует Школа ныряльщиков.

Думаете, такое никогда не произойдет?

Когда на плечо вам сядет золотая пчела, вы посмотрите в глаза Пегаса и станете «небесным ныряльщиком», ваша жизнь изменится!

Содержание

20 сентября 201* г	4
Глава 1	4
Глава 2	13
Конец августа – начало сентября	21
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Емец

У входа нет выхода

Следует с величайшим старанием составлять запас жил, так как онагры, баллисты и остальные метательные орудия не приносят никакой пользы, если их нельзя натянуть канатами или жилами. Также конский волос из грив и хвостов лошадей очень хорошо подходит для баллист.

Несомненно, что волосы женщин также очень хороши для подобного рода машин, что доказано на опыте в момент тяжелого положения Рима. Когда Капитолий был осажден, то вследствие постоянного и долгого употребления метательные машины испортились, а запаса жил не было, тогда римские матроны срезали свои волосы и дали их своим сражающимся мужьям; машины были исправлены, и нападение врагов отражено.

Вегетий

20 сентября 201* г

Глава 1

МАРШРУТКА № Н

Идут четыре брата навстречу старшему.

– Здравствуй, большак! – говорят.

– Здорово, Васька-указка,

Гришка-середка, Мишка-сиротка

Да крошка Тимошка!

Пальцевая игра

Рина сидела на тумбе, болтала ногами и ждала. Метро выплевывало людей. Рина насчитала девятьсот человек. Из них пятьсот десять – женщины. Оставив пятьсот одиннадцатую не посчитанной, Рина спрыгнула с тумбы и пошла покупать мороженое.

Денег у нее хватало либо на одну порцию хорошего, либо на две так себе. Поколебавшись, она попросила две. «Кто сказал, что они плохие? Они недооцененные!» – успокоила она себя.

Из задней двери тормознувшей машины вывалился пьяный. Он стал совать ей под нос свой паспорт и говорить, что в нем нет детей. Рину это не слишком удивило: она вечно влипаала в истории.

Вместо того, чтобы быстро пройти дальше, она взяла паспорт и встряхнула. Из паспорта не вывалилось ни одного даже самого маленького ребеночка.

– И правда! – сказала она. – Нету!... Ну ничего: когда обзаведетесь – сразу приходите за педагогическими советами!

Пьяный обиделся и стал хватать ее за рукав. Рина добежала до сурового патрульного, который с риском для жизни ловил бабку, незаконно продающую грибы на нитке, и сунула ему паспорт.

– Я тут документик нашла! Не посмотрите чей? – попросила она и нырнула за павильон.

Ждать оставалось тридцать минут. Во всяком случае, так сказал Кузепыч. Когда она увидит, что на указанном месте собрались девять человек, она должна нажать на *кентавра*. Один раз. Вот и все.

* * *

«Прикольно! Москвич в третьем поколении, а никогда не был на «Планерной»!» – понял Сашка, поднявшись в город. Свое любимое «прикольно» он всегда произносил с ударением на последний слог.

Что-то светлое летело высоко, над домами. Вначале Сашка подумал, это шар, но, присмотревшись, разобрался – обычный пакет. Летит себе, и никакой ему заботы, что под ним двадцать этажей пустоты.

Сашка шагнул к столбу и с интересом огляделся. Забавный район. Тесный, игрушечный. Дома подступают к павильону метро. Можно выйти на балкон и глазеть на толпу. А ночью, когда лежишь в тишине, слушать, как вздрагивает пол и где-то под тобой проносятся поезда.

Сашка сосредоточился, определяясь, куда ему теперь. Перед ним тянулась асфальтовая площадь с островками, к которым причаливали автобусы и маршрутки. Как всегда на конечных станциях метро, их было множество.

– Не знаете, где тут маршрутка № Н? – спросил он у женщины в красной ветровке.

Женщина играла с ребенком. Она рассеянно подняла глаза, и часть нежности, адресованной ребенку, случайно плеснула на Сашку. Почти сразу нежность на лице потускнела, втянулась куда-то внутрь, и Сашка пожалел, что оторвал человека от приятного занятия.

– Не знаю! – сказала женщина и снова нырнула в своего ребенка, как в пруд.

– А вы не знаете, где маршрутка № Н? – обратился Сашка к вынырнувшей из-за столба сутуловатой спине.

Спина качнулась, и Сашка сообразил, что с «не знаете» промахнулся. На него смотрел ровесник. Правда, чтобы это определить, Сашке пришлось бесконечно задираť голову. Парень был не просто двухметровый, а где-то под два-десять. Узкоплечий, длиннорукий. Зубы крупные. Два передних как у бобра. Глаза зеленые, насмешливые. Руки при ходьбе болтаются как веревочные, подбородок делает «чик-чик», вправо-влево.

На лбу у незнакомца Сашка увидел длинную, плохо заросшую царпину, уходящую под волосы.

– В лифт не вписался. Москва – городок карликов, – проследив его взгляд, словоохотливо объяснил долговязый. – А на предмет маршрутки проинструктировать бессилён. Сам ищущу!

Сашка продолжил рыскать по площади. Про маршрутку № Н не знал никто. Он дошел до последнего асфальтового островка и собрался возвращаться к метро, когда внезапно увидел на столбе лист с жирной буквой «Н».

Обозрев очередь, Сашка убедился, что в одну машину они вполне влезают. Поворачиваясь, задел рюкзаком стоящего перед ним парня. Тот оглянулся, оценивающе посмотрел и не плюнул, а скорее цыкнул на асфальт. Сашка подумал, что про таких говорят «пацан» или «пацанчик». Невысокий, плотный, в водолазке. Двигается неспешно, вкрадчиво, как кот.

– Макар! – он сунул Сашке твердую как деревяшка ладонь.

Сашка на всякий случай сильно пожал ее, ожидая, что сейчас будут тиски, и обманулся, потому что «пацанчик» даже не потрудился сжать пальцы. Получилась глупость. С одной стороны, с тобой зачем-то познакомились. С другой, к твоей руке отнеслись, как к дохлой рыбе.

Голос у «пацанчика» был соответствующий. Треснутый. С гнусавинкой.

– Как сам? Ничего? – спросил он без малейшего смущения.

Говорил Макар медленно. От слова до слова можно было протянуть веревку и сушить полотенца. Когда люди говорят таким образом, это здорово давит на мозги.

У Сашки появилось желание рассказать Макару всю свою жизнь с момента рождения, чтобы посмотреть, на каком месте тот уснет. Но он сдержался и кратко ответил, что лучше не бывает.

– Ча, прям так вот и не бывает? – Макар явно пытался загнать Сашку в угол, задавая вопросы, на которые нельзя ответить нормально.

И Сашка вообще не стал отвечать. Он смотрел уже не на Макара, а на девушку, которая хваталась за свою сумку всякий раз, когда звонил чей-нибудь мобильник. Мелодия для нее особой роли не играла.

Макару не понравилось, что кто-то может отвлечься от общения с ним. Он взял Сашкину пуговицу и стал ее откручивать.

– Местный? – хмуро спросил он.

Сашка стряхнул его руку. Макар удивился такой наглости.

– Знаешь тут кого-нибудь?

– Тетю Клаву из цветочного киоска!

Сашка безошибочно ощущал, что драться Макар не будет. Такие любят разводить на «ля-ля», отыскивая в собеседнике слабинку. Предпочитают достать из кармана автоматную гильзу и вертеть ее в пальцах. Или открывать и закрывать кнопочный ножик. Или ввинтить в речь что-нибудь эдакое, чтобы всем ясно было, с кем они имеют дело.

– Ча, смелый? – дошло, наконец, до Макара.

– Угадал.

– А-а! Ну я так и понял! Давай: береги себя, брат! – Макар снова зачем-то сунул Сашке руку, к которой тот, помня прошлый опыт, просто прикоснулся двумя пальцами, и отвернулся. Сашка понял, что «береги себя!» было не угрозой, а просто последней попыткой испортить настроение.

Белый микроавтобус вынырнул неизвестно откуда. В левом нижнем углу водительского стекла белел листок с такой же буквой «Н», как на столбе.

Сашка был опытный маршруточник и сразу за водителем садиться не стал. Слишком много беспокойства: вечно кто-то выходит, пересаживается. Ему хотелось забиться в угол и смотреть в окно, наблюдая, как на колеса маршрутки медленно наматывается распаренная солнцем Москва. Плюхнувшись на второе одиночное сиденье, Сашка пристроил рюкзак на колени. В плече отдалась дрожь: дверь захлопнули. Микроавтобус заканючил поворотником, втиснулся в поток машин.

Никто не заметил, как в последнем ряду кресел улыбаясь девушка с веснушками точно невзначай потянула вверх рукав и, чего-то коснувшись, едва слышно шепнула: «Полная загрузка!» Вернула рукав на место и откинулась на спинку сиденья.

Глядя из высокой маршрутки на обгонявшие их легковые автомобильчики, Сашка всматривался в тех, кто сидел внутри, и удивленно думал: столько людей, а все разные. Хотя бы один повторился. У каждого своя внешность, в каждой судьбе – уникальная череда мельчайших событий. Все это неповторимо оттискивается в мыслях и чувствах.

На несколько секунд у Сашки закружилась голова. «Опять!» – подумал он. Память старательно раскручивала клубок.

Желтая майка, зеленые трусы, черный шлем, красный нос, синие перчатки. Сашка насмешливо наблюдал, как его соперник несется к рингу, торопливо вбивая большим пальцем капу в рот.

– Дудник – Бычков! Два по две! Живее! Дудник, особое приглашение?

Тренера звали Пал Палыч. Он состоял из опыта, пуза и свистка. Примерно в такой последовательности. Хотя бывали дни, когда на первое место выступал свисток, а опыт и пузо тащились следом.

Сашка (он же Дудник) пригнулся и под канатами пролез на ринг. Прodelал он это очень лениво. Показывал, что ему обидно – против него, старичка, ходящего третий год, поставили новенького.

Бычков уже топтался на ринге. Чувствовалось, что он нервничает. Еще бы. Первый бой. Бычков посещал секцию всего месяца четыре, прыгал через скакалку и старательно отрабатывал у зеркала двойки, уклоны, вывод правой и прочие азы. В общем, типичное мясо, хотя мощный, конечно.

– Готовы? Поехали!

Ткнув перчатками в перчатки Быčkова, Сашка стал лениво пританцовывать. Открытый, только правая перчатка приподнята где-то на уровень груди.

Бычков, напротив, перчатки держал у носа, а подбородок едва ли не в грудь втиснул. Зажимается, а потом – бух-бубух! – двоечка. Насобачился по мешку бить. Но с мешком-то все герои: он сдачи не дает.

– Бычков, не наклоняйся вперед! Активнее! Ноги! Покажи этому клоуну! Смелее! – заорал Пал Палыч.

На клоуна Сашка обиделся и, обидевшись, стал кривляться еще больше. Совсем открылся и только некоторые удары принимал в перчатку, а так или дистанцию разрывал, или пропускал удар над ухом. Про себя решил, что так и проходит весь бой. Клоун так клоун!

Бычков пыхтел и, осмелев, работал как молотобоец. Изредка, когда он слишком наседал, Сашка щелкал его левой. В конце первой двухминутки Бычков был весь мокрый. Оскаленная капя сипела. Он перчаткой вталкивал ее обратно. Сашка даже посочувствовал. Когда задыхаешься, капя кажется ужасной дрянью. Чем-то таким кроваво-резиновым и сладким на вкус.

– Десять секунд до конца! Активнее! – рявкнул Пал Палыч.

Сашка, давно дожидавшийся этого момента, опустил и правую руку и теперь уходил только корпусом, изредка подставляя плечо. Параллельно он считал оставшиеся секунды, думая о всяких посторонних вещах. По русскому завтра диктант... Отцу надо чего-нибудь ко дню рождения, но покупное он не оценит... Семь... Восемь... Девять...

Сашка насчитал десять, потом одиннадцать, потом двенадцать, и, удивленный, что бой до сих пор не остановлен, оглянулся на Пал Палыча. Тот разговаривал с кем-то, просунувшим голову в зал. Понимая, что бой закончен, Сашка совершенно забыл о Быčkове и вспомнил только, когда первый удар из двойки врезался ему в скулу.

Сашку отбросило. Он, защищаясь, вскинул руки, но успел только чиркнуть по низу правой перчатки Быčkова ровно настолько, чтобы направить ее себе в подбородок. И слова «Уходя, гасите свет!» стали реальностью не только для девушек, носящих имя Света.

Через какое-то время к Сашке в темную комнату пробился запах нашатыря. Не захочешь, а очухаешься. Просто от омерзения.

– Ну что клоун! Докривлялся? Брысь отсюда! Две недели отдыхаешь! – произнес тренер без сочувствия.

Сашка смотрел на него и улыбался. Мыслей у него было мало-мало, и все какие-то странные. И люди ему казались удивительными: это, наверное, оттого, что он малость «замедлился». Где-то на горизонте маячил Бычков – смущенный, жалеющий его и одновременно гордящийся собой. Он пока не знает, что на следующей тренировке его поставят с кем-нибудь из ребят построже, чтобы тот внятно объяснил ему: отвернувшихся не бьют и поплывших не добивают.

Пал Палыч выплюнул свисток, которым он подзывал к себе двух парней постарше, чтобы послать их на опустевший ринг.

На улице Сашка долго сидел на шине, разглядывая толстые тополиные стволы. Их пилили, под них сливали отработанное масло, а они все пускали и пускали побеги.

По крайнему тополю, кора с которого была стесана на большом участке так, что получилась белая, почти человеческая кожа, текла струйка муравьев. Изредка то один, то другой сворачивал чуть в сторону и пытался заползти в глубокую щель в тополином стволе. Шевелил усиками и пятился.

Сашка попытался заглянуть в щель, но увидел лишь голову с двумя большими глазами и шевелящимися усиками. Побарабанил по стволу ногтями, и из трещины внезапно выползла крупная золотистая пчела.

Она бесстрашно рассекла ручеек муравьев и, пролетев так близко, что ее крылья коснулись его щеки, исчезла. Сашка побрел к дороге. В голове прояснилось, и она чуть меньше напоминала громящее ведро. Хотя, конечно, при всякой попытке даже оглянуться Сашку начинало шатать.

Голова больше не кружилась. Сашка привычно оттянул верхний карман камуфляжной куртки и, соображая, кому передать деньги, скользнул вокруг взглядом.

«Ну и дела! Да тут всем лет по пятнадцать! Ну максимум по шестнадцать!» – подумал он.

Не так часто встретишь ровесников в таком количестве, чтобы это было совершенно случайно. Сашка даже оглянулся: те, кто за спиной, были того же возраста. Невероятно, но факт!

Сашка прокрутил вариант, что где-то закончились занятия или, предположим, тут все, кроме него, одноклассники, которые вместе куда-то едут. Но нет. Никто в маршрутке никого не знал. Иначе не бросали бы друг на друга любопытные взгляды. Не было бы и осторожной, выжидательной напряженности.

Сразу за Сашкой сидела девушка, та самая, что хваталась за свой телефон, когда звонил чужой. Маленькая, хрупкая, с тонкой шеей – можно обхватить двумя пальцами. Как на таком цветочном стебле держится голова – непонятно, но держится, и прочно.

Лицо остренькое, умное, беспокойное. Брови густые, губы обкусанные. Волосы подстрижены не просто коротко, а ультракоротко – на одну фалангу мизинца. Лоб выпуклый, упрямый. Наверняка хочет во всем быть первой. Пишет письма политикам, режиссерам и певцам. Готова вкалывать, как электровеник, двадцать пять часов в сутки.

В соседнем ряду у окна – худощавый парень в синем костюме, с галстуком, в кремовой рубашке. Причесанный, отутюженный. Вся эта сбруя, как ни удивительно, смотрится на нем органично. Чувствуется, что он всегда ходит окостюмленный, а не раз в год. Вот и сейчас в маршрутке душно, а он как истукан. На лице ни капли пота, воротник застегнут на все пуговицы, даже галстук на сторону не оттянут. Сидит и тревожно отодвигается от своей соседки, которая роняет себе – а заодно и ему – на колени пудру с пончиков.

Соседка – абсолютная его противоположность. Большая, нетолсто полная, с грудью как диван. От ее лица веет непрошибаемым спокойствием. Отодвигается от нее «костюмчик» или нет, ее волнует мало. Скорее всего, девушка даже не поворачивала головы, чтобы выяснить, сидит с ней кто-то рядом или нет. Вся она – в созерцательной полудреме.

Одета в просторную домашнюю кофту ручной вязки. В такую кофту провалятся любые крошки, и кошачья шерсть на ней не видна. Волосы длинные, как у русалки, небрежно заплетены в косу. И не потому они такие, что она специально их отращивала, а просто не мешала волосам делать, что им заблагорассудится.

Если захочешь попасть в жизнь к такой девушке, не пытайся мельтешить перед глазами. Для нее это слишком утомительно. Просто приди и поселись рядом. Возможно, через

годик-другой она обнаружит, что около нее на кухне сидит кто-то посторонний, и до нее, наконец, дойдет, куда исчезали ее блинчики.

Справа от «спящей красавицы» паренек в светлой футболке ритмично дергает головой. Небольшой, горбоносый, даже сидя непрерывно пританцовывает. Зубы неровные, напрыгивают друг на друга. На левом глазу – черный круг из пластика, который пересекают две тканевые полосы. Сашка некоторое время соображал, действительно ли у него нет глаза или это так, финальный штрих к романтическому портрету. Еще Сашка недоумевал, с какой радости паренек дергается, пока не заметил маленький наушник.

Внезапно парень в футболке поворачивается к своей соседке и громко (сразу видно, музыка в ушах грохочет) произносит:

– Спорю на номер твоего телефона, тебя зовут Лена!

Спокойная девушка вдумчиво смотрит на него. Ее одноглазому соседу кажется, что ответа не будет. Он успевает раза четыре вытащить и вставить наушник, когда, наконец, слышит:

– Надо не так: спорю на номер твоего телефона, тебя НЕ ЗОВУТ Лена!..

Одноглазый счастлив. Есть контакт!

– Спорю на номер твоего телефона, тебя не зовут Лена! – послушно повторяет он.

– Проиграл. Я Лена! – сочувствует девушка и продолжает флегматично осыпать колени соседа слева пудрой с пончиков.

Сашка едва не сползает под сиденье. Он видит, что одноглазый впервые в жизни угадал и теперь пребывает в растерянности, не зная, как раскручиваться дальше.

– Серьезно: Лена? Или прикалываешься?

– Отстань, а?! – тоскливо просит девушка.

– А какой-нибудь документик показать?

– Щаззз!

– А я вот могу показать! Мне не жалко! – предлагает одноглазый и жестом фокусника извлекает два пропуска и социальную карту.

– Тут не смотри! Тут я по-дурацки получился! – сообщает он и с удовольствием показывает именно это фото. Сашка замечает, что на фото одноглазый представлен с двумя глазами. И еще видит имя – Кирилл.

Через кресло от Сашки девушка в черной майке дышит на стекло и рисует виселицу. На шее – два армейских жетона в связке, по военному стандарту. На лице – нежные розовые прыщики.

«Интересно, она в курсе, что второй жетон нужен, чтобы вешать его труп на большой палец левой ноги?» – прикидывает Сашка.

Ощутив на себе взгляд, девушка с жетонами перестает рисовать и вопросительно обращается. Сашка спешит придать своему лицу мебельное выражение.

Глазея, он потревожил не только девушку с жетонами, но и лобастую особу с цветочной шеей. Она раздраженно вскидывает лицо, одновременно закрывая ладонью экран телефона. Сашка понимает, что он для нее нечто вроде дополнительного сиденья маршрутки.

– За одного! – слышит Сашка и сам не понимает, как в руках оказываются деньги.

Она не просит, даже не требует, а дает целеуказание. Раз ты глазеешь и ничем не занят – сделай что-нибудь полезное.

– Еще за одного! – просыпается девушка со смертными жетонами.

«А чего, интересно, мне? Дали бы Макару. Или ему только ночью в парке и вместе с сумочкой?» – мысленно вредничает Сашка.

Аккуратист в костюмчике тоже доверил Сашке заплатить за проезд и немедленно потребовал сдачу. Его купюра была разглажена так, будто он целую ночь продержал ее в

словаре. Девушка с пончиками заморачиваться не стала и, даже не пытаясь пересчитать, высыпала на руку Сашке горсть мелочи.

Пока Сашка разбирался с деньгами, его дружелюбно толкнули в плечо. Парень, сидевший по диагонали, ухмыльнулся ему как старому знакомому. Это оказался тот самый царапнутый.

– Привет! – сказал Сашка.

– Взаимное встречное почтение! Я же сказал, что произвожу поиски! А ты кивнул и сразу учесал! – укоризненно ответил парень и добавил: – Даня!

Наклоняясь к Сашке, Даня толкнул его острым коленом и одновременно чиркнул лбом по скуле. Не человек, а ходячая травма для окружающих.

– Заметил? – шепнул он.

– Что все одного возраста? – догадался Сашка.

– Ну это еще терпимо! – отмахнулся Даня. – Прикинь: на светофорах не останавливаемся. Раз. По дороге никто не садится и не сходит. Два. Несколько раз люди поднимали руку, но мы даже не притормозили, хотя мест свободных полно.

– Странно, – согласился Сашка. – Обычно всех берут.

– Эй, вы, двое! Кончайте шептаться! Нельзя ли пошевелиться? – руководящая девушка нетерпеливо дернула Сашку за рукав.

Голос у нее звучал бесстрашно. Чувствовалось, она не только рубит правду-матку, но и размахивает ею как оглоблей. Сашка обнаружил у себя в руке веер из купюр и, вспомнив, что давно пора от него избавиться, просунул вперед.

– Передай там! – окликнул он и потряс за плечо человека, сидевшего прямо перед ним.

К нему обернулись. Сашка от неожиданности отдернул руку. Он считал, там парень, а «эй!» оказался девушкой. Красота ее была так очевидна, что ее признала бы даже злопыхательская, острая на язык тетка. Правда, та обязательно добавила бы, что ноги от ушей – признак дистрофии, а в таких хорошеньких головках не бывает мозгов. Но от зависти никуда не денешься: не можешь сам залезть на забор, так хоть доплюнь до того, кто там сидит.

Заметив Сашину реакцию, девушка дрогнула углом рта и этим испортила семьдесят процентов впечатления. Самодовольными бывают не только индюки. Просто индюшкам охотнее прощается.

– Можно неприличный вопрос? Это камуфляж чей? Английский? Бундесверовский? – спросила она.

Сашка ответил, что камуфляж пока что наш, российский. За следующие сорок секунд ему задали еще три неприличных вопроса: «Зачем на шее платок?» («ПрикольнО».) «Почему от тебя пахнет гарью?» («Костром».) «Что ты хочешь выразить своими военными брюками?» («Просто удобно».)

Оказалось, красавицу увидел не только Сашка. Паренек с кружком на глазу тоже не просмотрел.

– Спорю на номер твоего телефона, тебя зовут... э-э... Наташа! – влез он, не пытаясь напрячь фантазию. Его спокойная соседка подняла брови и с вызовом стряхнула ему на колени крошки со своей юбки.

«Все равно молодец! – мысленно одобрил Сашка. – Не боится, что отошьют. Летает по жизни как дятел. Постучался, не открыли – дальше полетел».

Сам Сашка так не умел. Для него мир был слишком подробный, и люди подробные. Сашка смутно улавливал, что для каждого человека существуют свои особенные слова, которые подходят к нему как ключ и отмыкают душу. Но вот какие это слова, не знал. А потому если и говорил с девушками, то обычно нес дежурную чушь. Какая музыка нравится, на каких сайтах бывает, ну и так далее.

Красавица пасмурно посмотрела на Кирилла. Похоже, он набрал даже меньше очков, чем Сашка. Все-таки Сашка ничего себе. Русский, сероглазый, лицо открытое.

– Так как тебя зовут? – повторил Кирилл.

– Не помню, – с вызовом ответила красавица.

– Что? Прямо так в паспорте и записали? – изумился Кирилл. – Круто!

Девушка сдалась.

– Ну хорошо. Лара я! Дальше что?

– Дальше – улыбка!

Лара улыбнулась – послушно и устало.

«Достучался!» – мысленно похвалил Сашка.

Влад Ганич – Сашка мимоходом выяснил, что так звали аккуратиста в костюме – внезапно встал выплаженным коленом на сиденье и с подозрением заглянул назад, на последний ряд.

– А-а!.. Ну тогда да! – загадочно протянул он и сел.

Сашка тоже привстал, чтобы понять, что заинтересовало Ганича. Посмотрел назад и заблудился в простых чувствах и словах, как младенец в ножках стола. Красавица Лара мгновенно отошла на второй план и стала просто фоновым пятном.

На последнем ряду, у окна, сидела девушка. Лицо у нее было радостное, точно человек ждет от жизни подарка, хотя и зарабатывает одни шишки. Много мелких веснушек делали кожу пестрой. Даже на мочках ушей веснушки. Короткий, чуть вздернутый нос похож на воробьиный клюв. Поначалу кажется, что нос должен быть совсем не такой – смешной, словно с чужого лица. И лишь позже чувствуешь: другого тут быть не может. Вылепив эту девушку из глины, жизнь осмотрела свою работу, осталась довольна и, в качестве последнего штриха, весело щелкнула ее указательным пальцем по носу, шепнув: «Ну, что стоишь? Иди! Дыши! Живи!»

– Ты кто? – глупо спросил Сашка, пытаясь понять, как мог ее проглядеть.

Потом понял: девушку закрывала высокая спинка.

– Я? Человек!

– Какой?

– По имени Рина! – последовал насмешливый ответ.

– А что ты тут делаешь?

Рина захлопнула книгу. Читала она учебник по коневодству. На запыстье у нее Сашка разглядел нечто вроде массивного кожаного щитка, уходившего под рукав.

– Еду! – емко сказала она.

Кто-то выдернул деньги у Сашки из пальцев.

– Дай сюда!

Опять Макар. Разумеется, «брателло» давно пересел и пристроился рядом с Ларой. Интересно, он разузнал у девушки, местная ли она? А беречь себя посоветовал?

Макар вспрыгнул коленом на сиденье и, подсакивая вместе с несущейся маршруткой, окликнул водителя:

– Эй, дядя! Ау! Деньги берем?

Никакого ответа. Водитель даже не попытался протянуть руку. Они видели только синюю спортивную куртку с высоко поднятым воротом и бейсболку.

– Алло, гараж! Оглох? – заорал Макар совсем нагло. Видно, считал, что унижить кого-то на глазах у девушки – дополнительный способ заработать очки.

«Сейчас водила остановит, и он вылетит пробкой, напутствуемый нежными ударами монтировки!» – прикинул Сашка и ошибся. К Макару даже не повернулись. Для такого, как он, это вызов. Еще бы – великий человек ерзает на сиденье бесценной коленкой, мусолит денежку в потной ладошке, а его игнорируют.

– Деньги себе оставляю! Народ, вы все видели? Нас везут бесплатно! – во всеуслышанье заявил Макар.

– Он просто глухой! Кто-нибудь, потрясите его! – потребовала руководящая особа с цветочной шеей.

Только что она познакомилась с любительницей виселиц и армейских жетонов, и Сашка услышал, как она представилась: «Фреда». Интересно, как ее зовут на самом деле? А то бывает: поссорится человек со своим именем и всю жизнь пробегает непонятно кем.

Сашка поставил рюкзак, перескочил на пустое сиденье рядом с Макаром и попытался коснуться плеча шофера. Именно попытался, потому что маршрутка резко вильнула, обгоняя автобус. Сашка, не удержавшись, опрокинулся назад, невероятным образом сдернув с собой водителя.

Он закричал, ожидая столкновения: маршрутка продолжала мчаться. И лишь секунду спустя осознал, что в руках у него синяя куртка от спортивного костюма. Решив, что сорвал ее с плеч шофера, он вскочил и увидел: за рулем никого. Только в воздухе болтается бейсболка. Теперь, когда куртка находилась у Сашки, отсутствия водителя было утаить невозможно.

Глава 2

ИЗ НИОТКУДОВСКА В НИКУДАТЬЕВСК

Во всяком добре ключевое слово «регулярность». Нерегулярное добро – это зло, которое решило поразвлечься.

Ведьмарь будет рассуждать о глобальных законах по искоренению голода в масштабах вселенной, а шныр просто молча сунет кому-нибудь яблоко или пирожок да и пойдет себе дальше.

Чем сильнее любят – тем больше запрещают. Если хочешь наверняка уничтожить того, кого любишь, разреши ему все.

К мудрости ведут два пути – скорби либо добровольного самоограничения, то есть, в общем-то, той же скорби, только осознанной. Если ты не выбираешь второй путь, первый сам выбирает тебя.

Лучше взять меньше, но донести, чем взять много и бросить на полпути.

Сила человека проявляется в том, насколько сильно он сумеет наступить на себя.

Конспект Яры. Из вводной лекции Кавалерии

Фреда меланхолично созерцала пустоту на водительском сидении.

– А где??? Что ты сделал с водителем? – поинтересовалась она голосом человека, не уловившего соли анекдота.

Сашка ощутил, что виноватого она нашла.

– Вот он! Лови! – Сашка бросил ей куртку.

Фреда с ужасом оттолкнула ее сразу двумя руками. Куртка упала. Теперь, когда ее облачили, она более не притворялась живой.

– Нет! Ты с ним что-то сделал!!! А-а! – Фреда закрыла глаза и коротко вскрикнула, подавая сигнал к всеобщей панике.

В ту же секунду завизжала Лара, демонстрируя отменную вокальную подготовку. Макар деловито посоветовал ей заглухнуть. Одновременно он навалился животом на спинку, касаясь лбом зеркальца. Недоверчиво, точно подозревая невидимку, пошарил рукой.

– Во, дела! Водилы реально нет! Кто-нибудь рулить умеет?

Показывая, что она и сама неплохо справляется, маршрутка лихо нырнула между двух трейлеров и ушла в крайний ряд. Подрезанный грузовик замычал как обиженный бык.

– Я! – сказал Сашка, снесший недавно на дедушкиной «Ниве» соседям дачный забор.

– Ну так займись!.. – поощрил его Макар.

Сашка хотел перелезть, но Фреда вцепилась в него:

– Только попробуйте кто-нибудь тронуть руль! Я поняла! Мы идем по компьютеру!

Даня недоверчиво посмотрел на продавленное сиденье, на дребезжащую дверь. Увидел пачку кефира и мятый журнал.

– По спутнику! – скептически сказал Даня, наблюдая, как маршрутка раздраженно гудит выскочившей на дорогу псине и лихо сворачивает, окатывая ту грязной водой из лужи. – Во! Спутник прочухал биологическую активность и задал коррекцию курса с учетом направления разбрызгивания жидкости!

Сашка пытался освободиться, но сделать это без грубости было невозможно. Фреда повисла на нем клещом. Живым не отпустит. При этом Сашка не сказал бы, что она паниковала. Просто человек такой. Ни одно действие в ее присутствии не может быть совершено без ее одобрения.

– А если это шоу? Нас везут на платформе и незаметно снимают нашу реакцию? И в эфир? А? – выдвинула Фреда другую версию.

Услышав, что ее могут снимать, Лара мгновенно успокоилась и поправила волосы.

– Можно неприличный вопрос? Кто тут подсадной со студии?

– Я! Разве не видно? – заявил Кирилл, но, обнаружив, сколько народу на него сразу уставилось, дал задний ход. – Все-все! Не надо меня убивать! Я уже заглох! Какое шоу, народ? Вы хоть одну камеру видите?

– А если скрытые? – деловито предположил Ганич, аккуратист в костюме.

Кирилл покрутил у виска пальцем.

– В этом дребедане? Даже если и втюхать тут какую-нибудь вебку – она ж показывать будет как глаз дохлого таракана! Для эфира не пойдет! – сказал он со знанием дела.

Лара постучала телефоном по колену.

– Ничего не понимаю! Здесь должны быть все палки!

Фреда посмотрела на нее испепеляющим взглядом.

– Палки в лесу, – сказала она и, отпустив Сашку, села.

Маршрутка, наконец, вырвалась за пределы МКАД и помчалась между пестрых новостроек. Район тут был просторный, новый, дороги широкие, свободные. В повороты маршрутка входила лихо. Как Сашка ни берегся, а боднул лбом стекло.

– Мы отсюда не выберемся! Мы обречены! – спокойно произнесла девушка со смертными жетонами.

– Не каркай! – набросилась на нее Фреда.

«Жетоны» пожали плечами и длинным ногтем пририсовали к виселице завершающую перекладину.

– Я не каркаю! Я знаю!

Даже Рине и той стало жутковато. Она жалела, что дала Кузепычу обещание молчать. А не будь этой клятвы – что бы она сказала? «Мы едем в ШНыр!» – «Куда-куда?» – «Да в ШНыр! Это школа ныряльщиков такая, где на лошадях на *двуш*ку летают через мертвый мир и достают оттуда закладки!»

Маршрутка выехала на длинную прямую дорогу, и ее перестало болтать. Опередив Сашку, Даня быстро привстал.

– Девушка! Можно ли попросить вас в виде огромного одолжения убрать черепную коробку? – обратился он к Ларе.

– Куда? – растерялась она и немедленно получила исчерпывающий ответ:

– Нестрого перпендикулярно спинке, но таким образом, чтобы уровень макушки оказался ниже уровня верхнего среза сиденья!

– А-а?

– Бошку убери!!! – предельно упростил Даня и неожиданно ловко, пользуясь своим циркульным ростом, перевалился животом сразу через два кресла. Мелькнули бесконечные ноги. Спасаясь от них, Лара с писком пригнулась. До нее, наконец, дошло, зачем уровень макушки должен быть ниже.

Подолшвы застучали по спинке, и Даня вынырнул уже с другой стороны. Скользнул на водительское место, схватился за руль и нажал на тормоз. Сашка смотрел, как утапливается педаль.

– Стой, моя хорошая! Тпруу! – приказал Даня.

От лошадиного слова маршрутка начала притормаживать, но взбрыкнула и продолжила лететь вперед. Даня вцепился в руль и попытался перестроиться в крайний ряд. Руль послушался, но опять же на поведении маршрутки это никак не сказалось.

– Попробуй затормозить сцеплением! – посоветовал Сашка.

Даня кротко оглянулся на него, точно спрашивая: думаешь, сам не знаю? Выжал сцепление и, последовательно переключаясь, стал понижать передачи. Когда дошел до первой, микроавтобус лихо выехал на встречу и, бесстрашно прорезав поток, повернул на перпендикулярную улицу.

– Это бесполезно, господа! Я устраниюсь! – пафосно произнес Даня и перелез обратно в салон.

Там он сел как истукан и устроил на коленях руки ладонями кверху. Что-то, чего никак нельзя было ухватить, шевелилось в его памяти. Что-то важное, ускользающее.

В стеклянной банке, на треть заполненной водой, плавали окурки. Сквозь забрызганное краской стекло – треснувшее, с жившим в трещине подсвистывающим сквозняком – на Даню смотрел скупой и четкий красками московский двор. На солнечном диске сидела золотистая пчела и чистила лапками крылья. Даня подул на нее. Пчела взлетела и, сердито ударяясь в стекло, мячиком запрыгала к верхнему краю рамы.

– Я предупреждала: все мы умрем! – с глубоким удовлетворением в голосе произнесла девушка в черной майке. От ее голоса мороз исходил.

Кирилл коснулся пальцем жетонов.

– Послушай, солнце!

– Ненавижу солнце! – оборвали его «жетоны».

– Да не злись ты! Спросить лзя?

– НЕТ!

– Тебя никогда раньше не душили подушкой? А, солнце?

Девушка оттолкнула его руку.

– Ты что, тупой? Я не солнце! Я Алиса, придурок!

Обидеть Кирилла было невозможно.

– Придурок! – сказал он, обращаясь к себе. – Знакомься! Это Алиса, которую никогда не душили подушкой!

– Баран!

– И которая активно разучивает названия животных! – Кирилл торжествующе огляделся.

Алиса, замолчав, отвернулась. Кирилл явно считал себя победителем, однако Сашка в этом усомнился. Парень не должен сражаться с девушкой на равных и ее оружием: языком. Они существуют заведомо в разных измерениях. Ну чем орлу тщеславиться перед дельфином? Что он умеет летать? А дельфин плавает. Кирилл же вел себя, как бородатый профессор философии, который, нацепив юбку, отправился на завалинку и сказал, потирая ручки: «Ну, бабки, держитесь! Ща я вас всех переаргументирую!!!»

– Попробую выпрыгнуть! Раз телефоны здесь не ловят – может, снаружи заработают! – крикнул Сашка и рванул дверь.

Замелькал асфальт с мелкими лужицами. Сашка попятился. Он и не представлял, что они едут так быстро. Фреда, додумавшаяся все снимать, направила на Сашку круглый глаз мобильного.

– Не надо! – не удержавшись, крикнула Рина.

– Почему не надо? Надо! Прыгай! Чего ждешь? – нетерпеливо потребовала Фреда.

Сашка прикинул расстояние до газона. Травка – это, конечно, заманчиво, но промахнешься и размажешься по высокой бровке. Уж лучше асфальт. Он высунул голову. Ветер резанул его по щеке. Ударил по глазам, на мгновение ослепил.

– Когда будет тридцать километров – крикнешь! – велел он Дане.

Даня перевалился животом через водительское кресло и уставился на спидометр.

– Девяносто! Гадство! Почему нет пробок? Опа! Скоро светофор! Может, хоть слегка притормозит... Есть! Пошел вниз! Семьдесят! Шестьдесят!